

ОСТРОВСКИЙ НА ПУТИ К ХУДОЖЕСТВЕННОМУ РУКОВОДСТВУ МОСКОВСКИМИ ТЕАТРАМИ

Статья А. И. Ревякина

1

Демократическая обличительная драматургия Островского, как правило, не пользовалась симпатиями дирекции императорских театров и правящих самодержавно-бюрократических кругов. И этого от драматурга не скрывали.

Объясняя препятствия, с которыми встречались пьесы Островского при их прохождении на сцену, Ф. А. Бурдин, артист Александринского театра, 10 июля 1866 г. «с большим огорчением» сообщал драматургу, что «высшие сферы не благоволят» к его произведениям¹.

Даже А. Н. Верстовский в свое директорство говаривал, что русская сцена «провоняла от полушубков Островского»².

Но особенно тяжело драматургу приходилось в пору власти графа А. В. Адлерберга, министра императорского двора (1870—1881), и его ставленника, барона К. К. Кистера, директора императорских театров (1875—1881). Оба они, пренебрежительно относясь к отечественному искусству, к серьезному репертуару, ориентировались на западноевропейскую развлекательную драматургию и насаждали оперетту.

Вспоминая в 1884 г. нестерпимый деспотизм Кистера, Островский в «Автобиографической заметке» писал: «Барон Кистер цинически относился к русскому искусству». С переходом управления театров в его руки «стало сбываться с буквальной точностью все, что я предсказывал. Поруганное русское искусство постепенно замирало в императорских театрах, а частные театры систематически убивались. Положение драматических писателей стало невыносимым; для русского драматического искусства настало «лихолетье». Я теперь удивляюсь, как мы перенесли это время, как не бросили писать» (XII, 249).

Тогда драматург, махнув рукой на императорские театры, деятельно хлопотал о разрешении Обществу драматических писателей, а потом и ему лично частного театра.

«При Кистере, — пишет он, — мне легко было оставить императорский театр; мне даже следовало его оставить: тогда гнали со сцены русское искусство, — а коли гонят, так уходи и отряхай прах от ног!» (XII, 251).

В 1881 г. затянувшееся владычество Адлерберга — Кистера кончилось. В августе Адлерберга сменил граф И. И. Воронцов-Дашков; в начале сентября того же года вместо Кистера назначили И. А. Всеволожского. В связи с этими переменами в Управлении казенными театрами для прогрессивных деятелей драматического и сценического искусства появились надежды на улучшение театрально-драматического дела.

Вскоре после назначения Воронцова-Дашкова, 29 августа, Островский пишет Бурдину: «Теперь события по театральному ведомству пойдут быстро» (XVI, 24).

8 сентября того же года, после приема у Всеволожского, Бурдин, полный радостных надежд, извещал Островского: «Он обещал отлично ставить русские пьесы и хотел просить министра увеличить для этого суммы на расходы. Он желает иметь только один русский театр, в котором бы были

ОСТРОВСКИЙ

Фотография, 1860-е гг.

Центральный театральный музей,
Москва

соединены лучшие силы, и чтобы этот театр давал тон другим театрам <...> он надеется сделать много»³.

Приход нового министра и директора императорских театров ознаменовался созданием Комиссии по составлению проекта Положения об управлении императорскими театрами. Это еще более укрепило надежды Островского на наступление благоприятного времени для осуществления его давнишних намерений в области сценического искусства. Ратую о состоянии театрально-драматического дела, он с 1869 г. слал в дирекцию императорских театров записки с конкретными предложениями об его улучшении: «Проект «Правил о премиях» дирекции императорских театров за драматические произведения», «Записка по поводу проекта «Правил о премиях» и другие. Но все эти записки клались под сукно.

На четвертой неделе октября 1881 г. драматург выехал в Петербург. Главная цель этой поездки — хлопотать о разрешении ему частного театра, а попутная — изложение в соответствующих кругах «театрального дела в России во всех отношениях и во всех подробностях» (XVI, 20). Драматург задумал подать новому министру императорского двора записку «О нуждах императорского театра».

Сразу же по приезде в Петербург Александр Николаевич был приглашен для участия в работе уже упомянутой Комиссии, а 29 октября посетил Воронцова-Дашкова, который принял его «обворожительно» и высказал пожелание об активном участии драматурга в Комиссии⁴.

Островский вспоминает: «Я был очень лестным письмом приглашен к участию в Комиссии <...> Назначение меня в Комиссию было для меня несомненным счастьем; я знал, что подобный случай не повторится, и

спешил как можно яснее и убедительнее передать весь запас своих знаний» (XII, 248—249).

Став членом Комиссии, Александр Николаевич покинул мысль о подаче «записки» министру императорского двора. Он «считал уже неделikatным забегать вперед с своим единоличным мнением и решился все, изложенное в записке, проводить в Комиссии» (XII, 248).

2

Островский работал в Комиссии, имея в виду ее скорые и эффективные результаты, со страстным увлечением.

«Я всю зиму, — пишет он, — работал и день и ночь: делал выборки из своей записки <об императорском театре. — А. Р.> для докладов, готовился к каждому заседанию. Я главным образом заботился о школе, потому что без школы нет артистов, а без артистов нет и театра. Потом моей заботой были авторы: у меня было очень обстоятельно выработанное предложение о мерах, служащих к улучшению репертуара императорских театров, — мерах неоспоримо действительных; а именно, я думал подействовать благотельно на репертуар посредством увеличения поспектакльной платы авторам и разумно, целесообразно устроенного Комитета» (XII, 249).

Работа Комиссии началась 20 октября 1881 г.

Островский, посещая ее заседания со 2 ноября (пятое заседание), присутствовал затем на них — 5, 9, 13, 18, 28 ноября; 3, 5, 9, 16, 18, 22 декабря 1881 г.; 5, 9, 13, 17, 21, 27, 30 января; 20, 26 февраля; 3, 8, 11, 15 марта 1882 г.

Глубокие знания Островским театрально-драматического дела, его широкая ориентировка во всех обсуждаемых вопросах, доказательность выступлений, авторитет первостепенного драматического писателя сразу сделали его центральной фигурой Комиссии.

Уже в первое присутствие в связи с обсуждением вопроса об авторском вознаграждении драматург заявил, что, «в видах его разъяснения» он «представит записку в одно из следующих заседаний». В протоколе шестом 5 ноября записано: «Член А. Н. Островский представил на обсуждение Комиссии особую записку, в которой разобрал параграфы Положения 13 ноября 1827 г. в отношении их сообразности с современными требованиями и указал взгляды, установившиеся на этот предмет в западных европейских законодательствах»⁵.

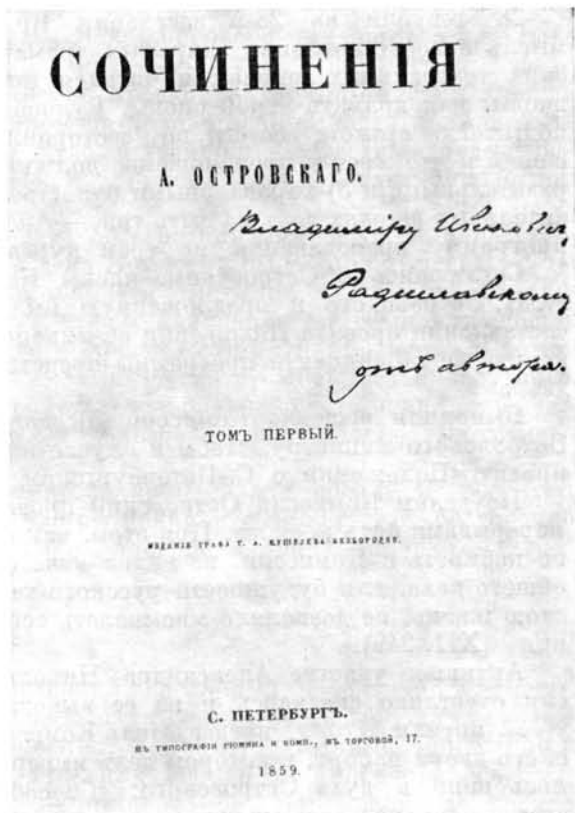
Александр Николаевич доказывал в своей записке устарелость Положения 1827 г. и крайнюю недостаточность вознаграждения за драматические произведения. Сравнивая положение западноевропейских и русских драматургов, он говорил, что французские и итальянские писатели, кроме разных льгот (премий, даровых билетов), получают за четырех- и пятиактные пьесы 10% с полного сбора всех театров страны, а русские только $4\frac{4}{9}\%$ и лишь с двух театров, петербургского и московского (XII, 326).

6 ноября И. Ф. Горбунов извещал М. В. Островскую, что чтение записки произвело на членов Комиссии «сильное впечатление»⁶.

13 ноября продолжалось обсуждение проекта Устава Театрально-литературного комитета, начатое до включения Островского в работу Комиссии.

По проекту А. А. Потехина предполагался такой состав комитета из 12 членов: двух представителей дирекции, четырех актеров и шести литераторов (драматургов и рецензентов). Однако Александр Николаевич счел своею обязанностью указать, что, по его мнению, «проектируемый

А. ОСТРОВСКИЙ
СОЧИНЕНИЯ, ТОМ ПЕРВЫЙ
С.-Петербург, 1859 г.
с дарственной надписью:
«Владимиру Ивановичу
Родиславскому от автора»

состав означенного комитета предначертан на основании чисто теоретических соображений». Оспаривая проект Потехина, он утверждал: «Распределение по рубрикам писателей, которых предложено пригласить к участию в трудах Комитета, не имеет за собой прочной опоры в действительности и не есть вывод из настоящего состава и особенностей интеллигентных сил, действующих в настоящее время в русской литературе, на беллетристов, драматургов и критиков, но в действительности такого обособления различных отраслей литературы не существует: многие беллетристы пишут драмы и почти все драматурги пишут романы или повести, а критиков, разумеется по профессии, эстетических уже с давних пор и совсем нет у нас. Комитету для исполнения своей задачи должно иметь в своем составе известное число лиц, которые по справедливости могут считаться лучшими представителями изящного вкуса. Этому требованию совершенно отвечают: представители изящной литературы — писатели, наиболее известные художественностью своих произведений»⁷. К сему Островский присовокупил, что если остается без изменения вышеуказанный параграф 5 проекта Устава, то по утверждении его и введении в действие на первых же порах придется встретиться с необходимостью его нарушения.

Доводы драматурга были столь убедительными, что Комиссия пришла к необходимости изменить 5-й параграф проекта Устава Театрально-литературного комитета «согласно мнения А. Н. Островского».

27 января на 25-м заседании Комиссии Александр Николаевич читал свою записку о «состоянии драматического искусства в России, о причинах его оскудения и о необходимости специального театрального образования для актера».

28 февраля на 28-м заседании Комиссии Островский отстаивал мысль о восстановлении закрытых драматических классов в императорских театральных школах и читался проект курсов подготовительной школы для драматической сцены. Руководствуясь тем, что «техническая подготовка артиста состоит во всестороннем развитии жеста и произношения и что жест и произношение должны быть: 1) правильными, 2) выразительными и 3) характерными (естественными), то и курсов в приготовительных школах должно быть три, — Александр Николаевич представил программу преподавания по трем курсам».

Соглашаясь с Островским, члены Комиссии определили: «Записку А. Н. Островского и предложенную им программу иметь в виду при составлении проекта Положения об императорском театральном училище, копию же с Записки и программы представить министру императорского двора»⁸.

Выполняя решение Комиссии, Всеволожский представил материалы Островского министру, чтобы в случае их одобрения они могли войти в проект «Положения о С.-Петербургском театральном училище».

По делам Комиссии Островский провел в Петербурге с небольшими перерывами пять месяцев. При этом, как он сам вспоминает, «кроме своего кабинета и Комиссии, не видал ничего; сознание, что я работаю для общего дела, для будущности русского театра, которому я посвятил всю свою жизнь, не позволяло мне жалеть себя <...> и работал до изнеможения» (XII, 249).

Активное участие Александра Николаевича в деятельности Комиссии отчетливо сказалось и на ее выводах.

22 апреля 1882 г. председатель Комиссии подал министру императорского двора рапорт, в котором цель императорских театров формулировалась явно в духе Островского: «Способствовать поддержанию и развитию национального сценического искусства, имея в виду его благотворное влияние на эстетический вкус и самосознание общества».

В этом рапорте выражались самые заветные мысли Александра Николаевича о том, что императорские театры, чуждые коммерческим целям, должны стать «во всех отношениях образцовыми».

Особо подчеркивалась в выводах Комиссии необходимость внимания к национальному театру. В связи с этим Комиссия, подтверждая соображения Островского, нашла: «а) вполне неудовлетворительный состав репертуара с преобладанием пьес переводных и переделок в ущерб оригинальных и классических; б) небрежность и неряшливость постановки пьес в костюмном, декоративном и вообще в художественном отношении; в) неправильное распределение и применение артистических сил; г) отсутствие строгой регламентации прав и обязанностей режиссерского управления и артистов; д) скудное вознаграждение авторов при неправильном и не вполне беспристрастном к ним отношении; е) неправильное распределение артистических сил и крайне неравномерное и пристрастное их вознаграждение».

По отношению к составу труппы, особенно драматической, в рапорте отмечалось: «а) избыток количественный при крайнем недостатке качественном; б) отсутствие всякой системы и совершенная случайность при пополнении труппы, вследствие этого избыток персонала на одно амплуа и совершенное отсутствие лиц на другое; в) отсутствие уважения, любви к искусству и иногда даже и всяких к нему способностей, вследствие чего неряшливое исполнение ролей, совершенное равнодушие к ансамблю и вообще к успеху дела; г) развращающее влияние системы вознаграждения поспектакльной платой и бенефисами; д) постановка пьес на скорую руку, незнание ролей, а вследствие этого малый успех и даже полное падение пьес; е) совершенная невозможность при таком порядке дела молодому

таланту выдвинуться и развиваться, а установившемуся сохранить свою артистическую самостоятельность, спокойно совершенствоваться и по мере сил своих служить делу».

Считая необходимым расширение прав директора, Комиссия пришла к заключению, что ее помощником по хозяйственной части должен быть управляющий конторой, а по художественной — известные драматические писатели (по драматической труппе) и музыканты-композиторы (в опере).

Председатель Комиссии доводил до сведения министра, что для устранения недостатков театрального дела Комиссия выработала проекты уставов театрально-литературного и оперного комитетов, положение об авторском гонораре, положение о внутреннем управлении театрами, куда вошли режиссерское управление, права и обязанности артистов, состав и вознаграждение трупп и оркестров драматического, оперного и балетного, а также соображения об устройстве театрального училища⁹.

Во всех этих проектах были использованы идеи, давно выношенные Островским.

Выводы и предложения Комиссии знаменовали победу Островского, полное признание всего того, что он начиная с 1869 г. так безуспешно предлагал дирекции императорских театров в своих записках.

3

Комиссия приняла много решений, способных эффективно улучшить состояние императорских театров и всего сценического искусства страны.

Но оказалось, что эти решения, санкционированные министром в качестве опыта на три года, дирекция исполнять не собиралась.

Победа Островского была принципиальной, моральной, зафиксированной в постановлениях, из которых почти все, кроме решения о вознаграждениях драматических писателей, были немедленно сданы в архив.

Островский начиная чувствовать нелепость своего положения уже в процессе работы Комиссии:

«Я сеял доброе семя, но «ночью пришел враг мой и посеял между пшеницею плевелы». Мои доклады слушались, принимались единогласно, но уже было заметно, что ходу им не дадут. И действительно, еще Комиссия далеко не кончила своих заседаний, а оказалось, что судьба русского театра уж решена<...> Так и кончилась Комиссия, и я уехал из Петербурга с поздним и горьким сознанием, что все мои труды для театра и целых полгода жизни пропали даром, что никаких благоприятных обстоятельств для русского искусства не было, что учрежденная с благою целью Комиссия была в действительности обманом надежд и ожиданий, что слушать меня в Комиссии вовсе не желали» (XII, 249—250).

Но драматургу готовилось еще большее огорчение. В марте 1882 г. по настоянию Всеволожского¹⁰ начальником трупп петербургской и московской был назначен А. А. Потехин.

Островский встретил это совершенно неожиданное назначение с нескрываемым возмущением (XVI, 35). Он считал Потехина не компетентным в сценическом искусстве, проводящим ложные, даже вредные взгляды, например, о том, что «любители лучше ученых актеров» (XVI, 167). По его мнению, Потехин не имел никакого права на занятие этой слишком ответственной должности. Александр Николаевич в середине апреля 1885 г. прямо писал ему: «В управление сценическим искусством в двух столичных императорских театрах, которые должны служить образцами для всех театров России, ты вступил совершенно неподготовленный, не зная этого искусства ни теоретически, ни практически» (XVI, 167).

Назначение Потехина имело явно семейственно-протекционный характер. Дело в том, что П. В. Погожев, управляющий Конторой императорских театров в Петербурге, являлся племянником Потехина, а Г. П. Кондратьев — главный режиссер русской оперы в Петербурге, был женат на родной сестре Потехина.

Ко всему тому, П. В. Погожев — близкий родственник секретаря министра. Именно тот устроил Погожеву, чуждого театру, военного, в дирекцию императорских театров. Так при Всеволожском образовалось семейное управление русскими театрами.

Очень скоро в новом директоре разочаровался и Бурдин. 27 марта 1882 г. в письме к Островскому, подчеркивая лживость Всеволожского, он обвинял его в том, что он «всем все обещает и ничего не исполняет»¹¹.

После назначения Потехина начальником репертуара императорских театров надежды Островского на коренные улучшения театрально-драматического дела рухнули окончательно.

Но, не оправдав его мечтаний о скорых и серьезных преобразованиях в состоянии императорских театров, Комиссия все же содействовала улучшению материального положения драматургов, отменила систему бенефисов и перспективную плату артистов, заменив ее более совершенной.

21 марта 1882 г. было утверждено первое положение об авторском гонораре за драматические произведения, поступающие на театральную сцену. Правда, его реализация была обставлена такими бюрократическими проволочками, что Островский почти через 9 месяцев, 10 декабря, писал Бурдину: «Воления, причиняемые мне неизвестностью об материальном обеспечении моем и моего семейства доходят до угрожающих размеров <...> С моими ли силами перенести это?» (XVI, 60).

В результате настоятельных требований Островского, выраженных в письмах к Всеволожскому (XVI, 46—48, 58—59), Потехину (XVI, 53) и П. М. Пчельникову (XVI, 55—58), после длительной бюрократической волокиты, изматывавшей нервы, 18 января 1883 г. с ним заключили индивидуальное условие. По этому условию Александр Николаевич стал получать за все пьесы, сочиненные до 1882 г., более высокие гонорары: за оригинальные по 2% с валового сбора за каждый акт, а за переведенные по 1%¹².

При этом автор не обязывался чинить препятствий в постановке этих же пьес частными театрами. Подобные договоры дирекция заключила и с некоторыми другими драматургами.

Но ущемление интересов Островского продолжалось и после заключения с ним нового условия. Договор о повышении оплаты старых пьес заключили, но пьес не возобновляли, а если и возобновляли, то на очень короткие сроки и по-прежнему в весьма небрежных постановках. Без должного внимания относились и к новым пьесам драматурга.

15 декабря 1883 г. Островский выехал в Петербург для устройства пьесы «Без вины виноватые» и решительных переговоров с дирекцией императорских театров.

В самом начале своего директорства Всеволожский заигрывал с Островским, писал ему ласковые письма, даже советовался с ним. Но вскоре между ними начала проявляться взаимная отчужденность, перешедшая в ненависть. Всеволожскому импонировали такие подхалимы и интриганы, как П. М. Пчельников.

Сразу же после беседы с драматургом, 16 декабря, директор императорских театров сообщил Пчельникову в Москву: «Островский приехал сюда, чтобы наговорить кислых слов дирекции за то, что его пьес не играют достаточно. Я на его кислотности отвечал такими же кислотостями»¹³.

По крайней доверчивости Островский не понимал еще всей враждебности к себе Всеволожского. Но он сделал из беседы с ним правильный

А. ОСТРОВСКИЙ и Н. СОЛОВЬЕВ.
 ДРАМАТИЧЕСКИЕ
 СОЧИНЕНИЯ,

С.-Петербург, 1881

с дарственной надписью

«Надежде Михайловне Медведевой—
 А. Островский, от авт(ора),
 26 февраля 1881 г.»

Центральный театральный музей,
 Москва

*26 февраля
1881*

Надежде Михайловне

Медведевой

А. Островский

ДРАМАТИЧЕСКИЯ *сочинения*

СОЧИНЕНИЯ

А. Островскаго и Н. Соловьева

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

ИЗДАНИЕ КНИЖНАГО МАГАЗИНА „НОВАГО ВРЕМЕНИ“

1881

вывод: добиваться улучшения всего театрального дела и своего материального положения помимо дирекции императорских театров, в обход ее.

К этому представились и конкретные возможности. 17 декабря, на следующий день после свидания с Всеволожским, Александр Николаевич сообщал жене: «Директору я высказал все, что было на душе, и сказал ему, что желаю иметь верное обеспечение. Он, видимо, сознает, что против меня поступили несправедливо, — это хоть тем хорошо, что он не будет мешать мне в моих хлопотах. А хлопотать я буду не через него, а гораздо прямее и принимаюсь за это сегодня же. Весьма важно то, что брат мне сочувствует и обещает поддержку. Я не уеду из Петербурга, пока не устрою чего-нибудь прочного для себя».

В этот день, т. е. 17 декабря, М. Н. Островский познакомил драматурга с Н. С. Петровым, главным контролером министерства, пользовавшимся безусловным доверием министра и имевшим большое влияние на дирекцию императорских театров.

Встреча Александра Николаевича с Петровым, человеком мыслящим, увлекающимся литературой, склонным к либерализму, стала поворотной вехой в судьбе драматурга, в его взаимоотношениях с императорскими театрами.

Будучи большим поклонником творчества Тургенева, Петров приготовил после его кончины речь — «Типы Тургенева и их жизненность». Эта речь заключалась следующими словами:

«Дай бог, чтобы каждый из нас был Лаврецким по гуманности, Рудиным по горячности стремлений, Базаровым по стойкости в своих убеждениях,

и потомство благодаря нам будет всегда чтить память «великого учителя» И. С. Тургенева»¹⁴.

У главного контролера императорских театров и ведущего драматурга страны нашлись точки соприкосновения, и их беседы начались для обоих с удовольствием и пользой.

Александр Николаевич разъяснял Петрову неотложную необходимость театральных реформ, в частности, усиления внимания к оригинальному, реально-бытовому репертуару, важность создания театральной школы с драматическими классами, неотложность выделения московских театров в самостоятельное управление. Все это выслушивалось с вниманием и одобрением.

18 декабря 1883 г. драматург сообщал жене, что он с Петровым, посетившим Михаила Николаевича, «проговорил весь вечер». И добавлял: «Будь покойна, положение мое улучшится и заслуги мои будут признаны».

Сочувственное отношение Петрова к замыслам Александра Николаевича многократно подтверждается и письмами М. Н. Островского к брату. 21 января 1884 г. он извещал брата: «...лица, принимающие в тебе участие <т. е. прежде всего Петров.— А. Р.>, усиленно о тебе хлопочут»¹⁵.

Официальным признанием заслуг Островского в драматургии и театре явилось пожалованная ему 28 января 1884 г. пенсия.

Искренняя благожелательность Петрова к Островскому сказалась и в том, что 29 января он послал драматургу телеграмму: «Сердечно поздравляю с монаршею милостью. Вчера пожалована вам за заслуги, оказанные русскому драматическому театру, пожизненная пенсия по три тысячи рублей в год»¹⁶.

Петров содействовал Островскому не только в получении пенсии. 29 января М. Н. Островский извещал брата: «Вопрос о школе можно считать решенным, но осуществление соединенных с этим вопросом предположений отложено до осени. Я надеюсь, что руководство школой будет предоставлено тебе».

Начавшиеся в декабре 1883 г. переговоры Островского с Петровым были продолжены в марте 1884 г. 8 марта Александр Николаевич уведомлял Марию Васильевну: «Был вчера и у Петрова, разговор был большой <...> пока скажу, что все хорошо и что надо благодарить бога». 23 марта он пишет ей же: «Вчера я был у Петрова, а сегодня он у нас обедает».

Воздействуя на Петрова, увлекала его своими идеями, Островский пересылает ему в конце марта «Замечания на проект «Правил о премиях» дирекции императорских театров за драматические произведения», в апреле—«Проект правил» и «Записку о премиях», в августе—«О причинах упадка драматического театра в Москве» (XII, 130, 188, 198).

Важно отметить, что М. Н. Островский, поддерживая брата, стремился повлиять на Петрова, высказывал при удобном случае свои положительные суждения о записках Александра Николаевича. 25 марта 1884 г., посылая Петрову замечания на проект о премиях, он писал ему: «Очень интересно было бы для меня знать, до какой степени согласны будете с высказываемыми братом замечаниями <...> при беглом чтении <...> мне они показались весьма дельными»¹⁷.

4

Переговоры с влиятельным контролером министерства императорского двора привели Островского к сомнениям в правильности им ранее избранного пути — полного разрыва с императорскими театрами и борьбы за создание частного театра под его руководством.

Драматург заколебался. Эти колебания понятны.

В условиях начавшегося после ликвидации театральной монополии авантюристического ажиотажа и бешеной конкуренции театральных дельцов перспектива создания образцового частного театра оказалась почти безнадежной.

«В такое время, — писал Островский, — начинать солидное предприятие, акционерное или на паях, было неразумно: нельзя соперничать с людьми, которым терять нечего. Пока бойкий аферист еще находит возможность на известном деле задолжать без отдачи более 400 т. рублей в один год, солидные люди не должны браться за это дело» (XII, 250).

Да, императорский театр принес драматургу много горя. Но при этом он был и колыбелью его таланта. С ним связано было «столько светлых, отрадных воспоминаний». С пожалованием пенсии с ним началась и новая связь. Поэтому Островскому показалось неблагодарным покидать императорский театр: «...лишив его своих пьес, уже написанных и будущих, я, — рассуждал драматург, — кроме материального ущерба театру, произвел бы скандальные разговоры и огласки...» (XII, 251).

А кроме всего, именно императорские театры, выведенные на верную дорогу, по своим огромным материальным средствам, по своему положению, могли бы стать подлинно образцовыми, направляющими все развитие драматического и сценического искусства отечества. И Островский, уверенный в своих знаниях театрально-драматического дела, увлекаемый патриотическим желанием вывести императорские театры из кризиса и превратить их в показательные, решил идти на службу в их управление. «Я задумал, — пишет он, — предложить свои услуги императорскому театру, т. е. поступить туда на службу» (XII, 252).

Драматурга пугала перспектива стать чиновником, он понимал, что «впереди — страдания. Но что ж делать? Мне не суждено доживать век покойно» (XII, 252).

Островскому было ясно, что служба в императорских театрах сулит ему трудности и огорчения.

«Но признают ли, — спрашивал он себя, — что все, что я считаю необходимым для императорских театров, действительно нужно, или упорно желают остаться при нынешних порядках, пока дойдет до самого нельзя, — вот вопрос, который меня мучит и сушит мой мозг» (XII, 258). «Я должен решиться, — писал он в «Автобиографической заметке», — мне ждать некогда, мне уж седьмой десяток, да я и измучился и долее оставаться хладнокровным зрителем театрального безобразия не могу» (XII, 258).

Утверждаясь в мыслях о службе в императорских театрах ради их преобразования, он опирался и на следующий довод: «Я могу вместе с тем оставаться председателем Общества драматических писателей; значит, к писателям и частным театрам я буду в прежних отношениях, и, следовательно, не принося никому вреда, я могу принести много пользы» (XII, 252).

5

После принятия окончательного решения — идти на службу в императорский театр — перед Островским встала и еще более сложная задача — добиться приглашения на службу. Ведь его взгляды на коренные реформы сценического дела не разделялись дирекцией императорских театров, высшими правящими бюрократическими сферами.

Но этому помогла начавшаяся связь с Петровым, авторитетно поддерживавшаяся М. Н. Островским.

В октябре 1884 г. переговоры Островского и Петрова из области принципиально-теоретической перешли в стадию решения конкретного участия драматурга в руководстве московскими императорскими театрами. 26 ок-

ОБОРОТ ФОТОГРАФИИ Н. М. МЕДВЕДЕВОЙ

с дарственной надписью: «Талантливой, любимой мною хорошей женщине Марии Николаевне Ермоловой от Н. Медведевой, 1891 года, 26 февраля»

Дом-музей А. Н. Островского, Щельково

тября Александр Николаевич уведомлял жену: «...мои дела по театру так хороши, как я даже и не ожидал. И это не слова, а дело, к которому я скоро приступлю»¹⁸. Через четыре дня, 30 октября, он добавлял: «...я поступаю на службу в Министерство двора, и скоро ты меня увидишь в мундире».

Что же все-таки предлагали Островскому?

Этой стороны дела он касается в письме к Марии Васильевне 2 ноября: «Я тебе могу только вот что: все настоящие порядки и все управление утверждены было министром на 2 года (т. е. после работы Комиссии 1881—1882 гг.— А. Р.), в виде опыта. Опыт показал, что все порядки нехороши и убыточны (дефициту 2 $\frac{1}{2}$ миллиона в год); поэтому надо их изменить, и всего лучше возвратиться к старому, причем поручить эти дела в

Н. М. МЕДВЕДЕВА

Фотография, 1891 г.

с дарственной надписью М. Н. Ермоловой
Дом-музей А. Н. Островского, Щелыково

Москве людям опытным и знающим и любящим театр <...> будет все, что мы, т. е. я и высшее начальство, признаем нужным и полезным».

Переполненный радостью близкого осуществления своей мечты, Александр Николаевич 4 ноября пишет Марии Васильевне: «Сколько я страданий перенес о театре. Я пять лет только о нем думаю, и чуть с ума не сошел: писал записки о частном театре, писал проекты для императорского театра, заседал в Комиссии, исписал горы бумаги; и все-таки меня никто не слушал, искусство падало да падало, тратились даром миллионы, и театр уходил от меня все дальше и дальше. И вдруг у меня театр, мой театр, совсем мой, и я в нем полный хозяин, ни от кого независимый, кроме министра, разумеется».

Безудержно довольный, снова писал он через четыре дня, 8 ноября, жене: «Я никогда во всю свою жизнь не был так счастлив, как теперь...».

Занимаясь в первые годы владения Щелыковым (с 1868 г.) хозяйственными делами, Островский получил к ним отвращение. Поэтому он не желал ими заниматься и в театре. Кроме того, драматург не имел необходимого чина для занятия должности директора. Ввиду этого между ним и Петровым была достигнута договоренность, что заведовать всей административно-хозяйственной частью московских театров будет специальное лицо, рекомендуемое Островским. Таким человеком Александр Николаевич назвал А. А. Майкова. Драматург многие годы работал с ним в Комитете общества русских драматических писателей и оперных композиторов.

Если Островский мог вполне доверять А. А. Майкову, на редкость честному человеку, хозяйственную часть, то для Майкова Островский являлся безусловным художественным авторитетом. Они великолепно дополняли друг друга. И поэтому Александр Николаевич с полным правом писал 22 августа 1881 г. Бурдину, что «это alter-ego *, мы с ним два тела — одна душа» (XVI, 191).

В ответ на рекомендацию Островским Майкова и сообщение о согласии того «показать на деле свое усердие и патриотизм» (XVI, 129) Петров 18 декабря писал драматургу: «Сохраняя прежний взгляд на пользу обособления московского театрального управления, министр с благодарностью отнесся к вашему содействию в трудном деле выбора подходящего лица»¹⁹.

Воодушевленный письмом Петрова, Александр Николаевич начал деятельно готовиться к обязанностям художественного руководителя московских театров.

В 1884 г., кроме уже упомянутых работ, им были написаны: «Автобиографическая заметка» и «Ученические спектакли в императорском театре в Москве».

Островский полагал, что после ноябрьских его переговоров с Петровым дело обособления московских театров должно немедленно вступать в стадию практического осуществления. И поэтому, зная, что Петров бывает у брата по четвергам, нетерпеливо спрашивал у последнего о состоянии его кровно интересующего дела. Но Михаил Николаевич ничего утешительного сообщить не мог: с реформами театра не торопились, их не хотели.

Отражая эти настроения, Всеволожский 5 апреля 1885 г. писал неустановленному лицу: «Что же касается московской драматической труппы — на подобие того, что существует в Петербурге, то мне кажется, что министр вообще этого не желает»²⁰.

В лучшем случае желали обойтись полумерами, паллиативами.

В январе 1885 г. начался сезон ежедневных балов при дворе и в высшем обществе, и Воронцову-Дашкову, по предположению М. Н. Островского, было «очевидно, не до того, чтобы сосредоточить внимание на делах театра»²¹. К тому же, министр, прежде чем окончательно остановиться на Майкове как директоре московских театров, «хотел осведомиться об нем через своих знакомых».

Сообщая обо всем этом Александру Николаевичу 8 января 1865 г., М. Н. Островский заметил, что его приезд в Петербург «был бы не лишним». И 13 января драматург прибыл в Петербург.

Решительность его разговоров с Петровым подтверждает уведомление им Бурдина 19 января: «В Петербург я приехал не гулять, я уж теперь не удовлетворюсь одними обещаниями и не выеду отсюда, не добившись каких-нибудь определенных результатов по своему ходатайству. Я поставил вопрос категорически, и через два дня дело решится так или иначе» (XVI, 143).

* второе я (лат.).

Но ожидания Островского снова не оправдались, и он уехал из Петербурга 26 января, не добившись ничего определенного. Министр задерживал свое окончательное распоряжение (XVI, 144).

На Воронцова-Дашкова оказывали влияние две совершенно противоположные, взаимоисключающие силы: Всеволожский и его клика отстаивали сохранение существующего положения, а Петров выступал с проектом отделения московских театров в самостоятельное управление.

Ввиду этого совершалась самая настоящая проволочка, но под разными благовидными предлогами: ожидание закрытия театрального сезона, «дабы в середине его смуты не произвести», отъезд из Петербурга Всеволожского²² и т. д.

Все это время Александр Николаевич, нервничая, волнуясь, пытается узнать что-либо о продвижении вопроса отделения московских театров через своего брата, а последний, как мог, успокаивал его, советовал терпеливо ждать желанного решения.

До крайности обеспокоенный длительной неопределенностью состояния общего вопроса об отделении московских театров и своего конкретного участия в их управлении, Александр Николаевич шлет 20 февраля 1885 г. Петрову письмо, в котором спрашивает о его предположениях на свой счет и добавляет: «Если обособление Московского театра, принятое уже, как я мог убедиться из ваших слов, в принципе, состоится в непродолжительном времени и если выбор министра остановится на Майкове, то отношения мои к нему по управлению театрами должны быть намечены заранее, так как он без меня в этом деле не решится ступить ни шагу из опасения взять задачу не по силам. Майков человек честный, в высшей степени благомыслящий и хороший хозяин, но и только, — художественная часть театрального дела ему не знакома, в этом он совершенно полагается на меня и слепо мне верит. Поэтому не найдете ли вы нужным, чтобы я приехал в Петербург для предварительных объяснений. Я буду свободен на пятой неделе поста и на Фоминой» (XVI, 145—146).

Но Петров задерживался с вызовом драматурга в Петербург, считая его преждевременным, и Александр Николаевич, находясь в «постоянной тревоге» и в «неописуемом волнении» за участь «родного театра» (XVI, 145), снова и снова спрашивал о состоянии дела у брата.

В начале апреля драматург шлет Михаилу Николаевичу подробную хроника безобразий, творящихся в московских театрах (XVI, 151—159). Думается, что это делалось с уверенностью на передачу содержания письма, а может быть, и самого письма Петрову.

В ожидании вызова в Петербург Александр Николаевич откладывал отъезд в Щельково.

10 мая Михаил Николаевич, извещая драматурга о результатах разговора с Петровым, происшедшего в тот же день, писал: «По возвращении Всеволожского, которое должно последовать на днях, будет приступлено к соображениям об отделении Московского театра. Отделение это произойдет, по всей вероятности, в течение июня месяца. Во главе театра, как было условлено, будет поставлен Майков. Относительно твоего участия в делах театра будет непременно изыскана такая комбинация, при которой ты мог бы посвятить театру свои силы и знания...».

По настоянию брата Александр Николаевич выехал в Щельково 13 мая, но полный сомнений и тревог, с трепетным ожиданием конца июня.

Его смятение усиливало и то, что Погожев, начальник репертуарной части московских театров, закрывая сезон, объявил артистам, что «были какие-то интриги и фантазии, но что им дан отпор и все останется по-прежнему и т. п.»²³

Несмотря на успокоительные заверения брата, драматург жил в Щелькове как на иголках, каждый день ожидая срочного вызова в Петербург.

Явно многозначительно сообщал он 29 мая В. Ф. Ватсону: «Сегодня опять воротилась ко мне надежда дожить до июля; мне надо до него дожить, я его жду с сентября прошлого года» (XVI, 174). 9 июня он уведомляет П. А. Стрепетову: «Я никуда не поеду из деревни, разве только в июле придется съездить в Петербург и Москву по театральным делам» (XVI, 176).

Никакого вызова Островский не получил, но жил все время театром и работал только для него.

«Летом, больной, я, — сообщал он 5 декабря 1885 г. А. Д. Мысовской, — исписал целые стопы бумаги» (XVI, 219). В это лето он «привел в порядок все свои многолетние работы по театру, составил новый проект дешевой школы, обделал до последней детали проекты об артистах, о принятии и постановке пьес, о режиссерском управлении и пр.» (XVI, 195). Тогда же им были приготовлены записки «О наградных бенефисах» и «Соображения по поводу устройства в Москве театра, независимого от петербургской дирекции и самостоятельного управления».

Отвечая брату на его настойчивые просьбы об информации по театру, Михаил Николаевич 4 июля телеграфировал: «Сколько мне известно, реформа состоится непременно, в текущем году замедление последовало вследствие отсутствия этим летом властей из Петербурга».

По всей видимости, драматург в дополнение к этой телеграмме брата получил положительные заверения и из каких-то других источников, нами не установленных.

Обрадованный этими известиями, Александр Николаевич 14 июля уведомлял А. А. Майкова: «Свершилось! Я получил неофициальное известие» (XVI, 182). Через десять дней, 24 июля, рассеивая недоверчивость Майкова, он уверял его: «Вы уже директор московских императорских театров» (XVI, 184).

Александр Николаевич столь деятельно готовился к художественному руководству московскими императорскими театрами, что уже начал вести предварительные переговоры о приглашении в драматическую труппу и театральную школу новых лиц (Бурдина, М. И. Писарева, В. Ф. Ватсона).

4 августа он писал Бурдину: «Приезжай в сентябре в Москву и не беспокойся за свою будущность» (XVI, 187).

Островским был продуман весь основной репертуар драматической труппы наступающего сезона. 28 июля 1885 г. он сообщал Мысовской: «Серьезный репертуар для всего сезона у меня уж составлен; но есть большой пробел в легком репертуаре. Именно нам недостает пьес с блестящей обстановкой для утренних спектаклей на рождестве и на масленице и для вечерних по праздничным дням во время разгара сезона» (XVI, 186).

В преддверии совместной работы драматург писал А. М. Кондратьеву, помощнику режиссера московского Малого театра: «Скоро я вам буду писать в более веселом тоне, а теперь пока прощайте, поклонитесь всем артистам» (XVI, 190).

6

Окрыленный неофициальным известием об окончательном решении обособления московских театров, Островский, напрягая все свои силы, готовился к роли, о которой мечтал всю жизнь.

Осуществление своих мечтаний он считал делом, «которое должно стать историческим» (XVI, 184).

А в это время предложение Петрова о привлечении первостепенного отечественного драматурга к участию в управлении театрами встретило в придворно-бюрократических кругах резкое сопротивление.

А. А. ОСТУЖЕВ В РОЛИ НЕЗНАМОВА, А. И. САШИН-НИКОЛЬСКИЙ В РОЛИ
ШМАГИ («БЕЗ ВИНЫ ВИНОВАТЫЕ»)

Малый театр, 1908 г.

Фотография

Центральный театральный музей, Москва

П. М. Пчельников, управляющий Московской конторой императорских театров, пошел в наступление против намечавшегося проекта обособления московских театров в самостоятельное управление. Его поддерживала в этом дирекция императорских театров, ставленником которой он являлся.

Друзья Пчельникова пытаются вызвать к нему расположение влиятельных лиц министерства императорского двора.

14 августа 1885 г. П. В. Погожев, управляющий Конторой императорских театров в Петербурге, пишет Петрову: «Ввиду слухов о назначении

управляющего московскими театрами, Пчельников просит меня решиться на обращение к вам с нескромным вопросом о том, поскольку эти слухи считаются вероятными, ибо положение Пчельникова одного в Москве, как Робинзона Крузе, заставляет его, ввиду доходящих слухов, заранее ознакомиться со взглядами его нового начальства. Сезон начинается, распоряжение новыми постановками не терпит отлагательства, а выбор репертуара Пчельниковым может не понравиться новому начальству. Ввиду слезной просьбы Пчельникова, я решился изложить вашему превосходительству»²⁴.

Беседы с Пчельниковым, Всеволожским и другими лицами того же лагеря поколебали мнение Петрова о правильности предоставления Островскому в управлении московскими театрами ведущей роли.

В результате этих переговоров было найдено, казалось, наиболее удовлетворительное для всех решение вопроса — предложить драматургу почетное попечительство над театральной школой.

Для Пчельникова, Всеволожского и других сторонников бюрократического управления театрами самым главным и опасным врагом был Островский с его идеями коренного преобразования театрального дела. Отводимая ему роль почетного попечителя театральной школы устраняла его от всякого фактического участия в театральной администрации.

Враги Островского шли и на прямые ему угрозы. В письме к Б. Ф. Ватсону 23 сентября драматург заметил: «Против меня ведутся большие интриги, я уж получал анонимные угрозы» (XVI, 203).

6 сентября, подтверждая решение о самостоятельном управлении московских театров при управляющем А. А. Майкове, М. Н. Островский сообщал драматургу: «Тебе, как предполагает Н. С. Петров, будет предложено быть почетным попечителем школы».

Это сообщение было воспринято Александром Николаевичем как удар грома среди ясного неба. Оно чуть не убило драматурга. Ему сделалось дурно, и его едва привели в чувство.

«Да разве я, — отвечал он брату 9 сентября, — просил при театре почетного звания? Разве после моих беспрестанных трудов по театру, доводивших меня до забвения всего окружающего (я два лета не видал природы и дальше сада никуда не выходил из кабинета), я могу ограничиться почетным званием? Для меня теперь уж нет ничего другого: или деятельное участие в управлении художественной частью в московских театрах, или — смерть» (XVI, 194).

Ради спасения московских театров от окончательного падения, чтобы сохранить лучшие силы их трупп и поднять их, драматург соглашался на любую должность. «Пусть дадут мне, — просил он в том же письме, — хоть место режиссера, хоть даже звание помощника режиссера, — только бы мне была возможность установить театрально дело как следует и успокоить от разных мытарств труппу, на которую теперь только одна надежда в России» (XVI, 196).

Обращаясь к брату за помощью, Александр Николаевич умолял его немедленно спросить у Петрова: будет ли ему дано приличное деятельное участие в управлении московскими театрами и нужно ли ему самому приехать в Петербург: «Ты телеграфируй кратко; на первый вопрос: *да* или *нет*, на второй — *приезжай* или *не приезжай*» (XVI, 198).

Получив драматическое письмо брата, Михаил Николаевич срочно передал его Петрову, а тот, прочтя, возвратил его 13 сентября со следующей припиской: «На первый вопрос (будет ли Александру Николаевичу предоставлено деятельное участие в том, что составляет суть театрального дела) прошу ответить «да». На второй вопрос (нужно ли приезжать сюда теперь) — «нет», потому что в настоящую минуту, как вам известно, нельзя дать проекту движение».

А. А. ЯБЛОЧКИНА В РОЛИ ВАСИЛИСЫ («ВАСИЛИСА МЕЛЕНТЬЕВА»)

Малый театр, 1914 г.

Фотография

Центральный театральный музей, Москва

Все известия о назначении Ржевского, Погожева и пр., а также газетные строки об обращении «временных драматических классов» (официально даже эти классы не существуют) в постоянные, о 3-летних курсах училища — лишены всякого основания»²⁵.

В тот же день Михаил Николаевич телеграфировал брату: «Петров просит ответить на первый вопрос: да, на второй вопрос: не приезжай».

14 сентября, сразу по получении этой телеграммы, Александр Николаевич писал: «Милый Миша! Благодарю тебя и Николая Степановича несказанно. Как сразу успокоилась душа моя, а какое блаженство я чувствую, этого нельзя выразить словами» (XVI, 201).

В этом же письме он просит брата передать Петрову «Соображения по поводу устройства в Москве театра, независимого от петербургской дирекции и самостоятельного управления».

Защищая идею самостоятельного управления московскими театрами, Островский напоминает, что петербургская дирекция «всегда не жаловала Москву», «ревниво относилась к успехам московской сцены» и пренебрегала «требованиями московской публики».

Критикуя бюрократическую систему управления и противопоставляя ей систему управления во главе с «компетентными лицами», «специалистами драматического дела», Островский особенно подчеркивает роль репертуара, призванного «очищать и облагораживать вкус публики», важность сознания постоянно действующей театральной школы, пополняющей артистический состав, необходимость «тщательной репетировки и умелой постановки пьес».

Островский рекомендовал в помощь новой дирекции, возглавляемой Майковым, создать авторитетную комиссию.

«Я думаю, — писал он, — что мне, как председателю комиссии, до окончания трудов ее можно будет поручить управление школой и всей художественной частью — в императорских театрах — и потом оставить его за мной пожизненно».

В заключение драматург спрашивал: основательны ли его соображения и желательно ли их осуществление? «Первый вопрос для меня важнее, мне нужно убедиться, согласно ли с намерением министерства я смотрю на дело, а второе для меня менее важно, потому что я с радостью и благодарностью займу всякую должность при театре, лишь бы мне работать и приносить пользу» (XII, 285—292).

М. Н. Островский, пересылая 23 сентября «Соображения» драматурга Петрову, сопроводил их сочувственной припиской: «Вообще же кажется, что соображения эти (не касаясь, конечно, вопроса о той роли, которую брат мог бы играть в устройстве управления) вполне основательны»²⁶.

М. Н. Островский, сообщая 27 сентября Александру Николаевичу о передаче Петрову присланной им «Записки», подтвердил со слов последнего, что при формировании самостоятельного управления московских театров будет найдена комбинация, вполне его устраивающая.

3 ноября драматург приехал в Петербург, и через день начались его совещания с Петровым.

Зная, что в Москве, в самих театрах, его ждут не только друзья, но и враги, он стремился договориться с главным контролером министерства Двора не только по основным, но и по второстепенным вопросам.

Александр Николаевич договорился об изменениях в уставах Театрально-литературного комитета и режиссуры, о формах контрактов с артистами, о правилах авторского вознаграждения, о гастролях петербургских певцов в Москве, а московских — в Петербурге, о постановке «Воеводы», о маскарадах, о бюджете, освещении Малого театра и многом другом.

Вот принятые ими 9 ноября решения по некоторым из обсуждаемых вопросов:

«1 Стрепетова — будет доложено министру; 2 Кондратьев — сделать представление о назначении режиссером; 3 «Воевода» — ставить в Москве; 4 Библиотека — московскую разыскать; 5 Александров — представить к денежной награде; 6 Колосов — должность будет возвращена; 7 Школа и Правдин. Школа существует не официально, брать плату не разрешено; 8 Крюковский — будет сделано распоряжение, чтобы пьесы на частных театрах не принимать в исключительное пользование»²⁷.

10 ноября драматург извещал А. А. Майкова, задержавшегося по болезни с выездом в Петербург: «Совещания у меня с Николаем Степанови-

чем ведутся постоянно, и предполагаемая реформа московских театров готова во всех подробностях» (XVI, 210). 13 ноября Александр Николаевич уведомлял жену: «Вчера у меня был Николай Степанович, и мы с ним проговорили с 8 до 11 часов вечера. Дело кончено».

22 ноября, удовлетворенный успешно идущими переговорами, он писал ей же: «Н. С. Петрова винить за медлительность нельзя. Он вел, он шаг за шагом, незаметно, освобождал московский театр из-под власти директора <т. е. Всеволожского. — А. Р.> и подчинял его министерству <...> Уже решено, что мы <Островский и А. А. Майков> должны вступить в должность с 1 января».

Майков назначался управляющим московскими театрами, а Островский — начальником репертуарной части; первому отдавалась вся административно-хозяйственная часть, а второму — художественная.

В связи с этим отпала нужда в образовании комиссии в помощь дирекции, которую предлагал Островский в поисках своего конкретного участия в управлении московскими театрами.

29 ноября Александр Николаевич не без гордости писал Марии Васильевне: «При императрице Екатерине для управления театрами назначены были двое, управлять хозяйственной частью был назначен Аполлон Александрович Майков, а художественной — известный тогда драматический писатель князь Шаховской. Теперь для управления хозяйственной частью назначается родной внук того Майкова, и тоже Аполлон Александрович, а художественной частью — тоже известный драматический писатель, то есть я» (XVI, 215).

12 декабря Островский был принят министром императорского двора²⁸. Тут же им была послана жене телеграмма: «Сейчас был у министра, дело кончено, поздравляю»²⁹.

13 декабря он выехал в Москву как художественный руководитель московских императорских театров.

Назначение Островского начальником репертуара московских театров было воспринято артистами и прогрессивной московской литературно-художественной общественностью с ликованием. «Это был, — вспоминает О. О. Садовская, — общий праздник для всех»³⁰. И вот почему 14 декабря 1885 г. Островского и Майкова, возвратившихся из Петербурга, торжественно встретила на перроне железной дороги почти вся драматическая труппа. Здесь были М. Н. Ермолова, Г. Н. Федотова, О. О. Садовская, Н. А. Никулина и все другие первенствующие артисты.

Но если прогрессивная общественность радовалась самостоятельности московских театров, то консервативно-бюрократические круги выражали крайнее недовольство таким оборотом дела и готовились противодействовать новой администрации.

22 декабря Погожев, извещая Пчельникова об окончательном отделении московских театров, назвал это решение «историей очень грустной», даже «бедой», скорбел «об обстоятельствах, так неудачно сложившихся» и выражал надежду на то, что в будущем «горизонт расчистится»³¹.

Консервативно-бюрократические круги театрального ведомства не теряли перспектив на возвращение своей власти в управлении московскими театрами.

Но пока, благодаря стечению исключительных обстоятельств (поддержка весьма влиятельных Петрова и М. Н. Островского), победил Островский.

19 декабря состоялось официальное утверждение Майкова и драматурга во вступления в должности с 1 января 1886 г.

На следующий день М. Н. Островский телеграфировал брату: «Утверждение состоялось».

Должность Майкова — IV класса с жалованием 6000 и 1200 руб. квартирных, а должность Островского — V класса с жалованием 5000 и квартирных 800 руб.

Приход Островского к управлению московскими театрами вся русская прогрессивная общественность рассматривала как залог возрождения театрального искусства.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ «Островский и Бурдин», стр. 40.

² «Островский в воспоминаниях современников», стр. 330.

³ «Островский и Бурдин», стр. 345.

⁴ А. Н. Островский — М. В. Островской 30 октября 1881 г. — Все неизданные до сих пор письма Островского к жене публикуются в настоящем томе, поэтому ссылки на них не даются.

⁵ Протоколы Комиссии о составлении проекта Положения об управлении императорскими театрами 1881—1882 — ГЦТМ, ф. 58 (И. А. Всеволожского), д. 115, л. 37.

⁶ И. Ф. Горбунов. Сочинения, т. III. СПб, 1907, стр. 568.

⁷ Протоколы Комиссии. — ГЦТМ, ф. 58, д. 115, л. 45—46.

⁸ Там же, л. 139—140, 152—153.

⁹ Там же, д. 113.

¹⁰ Письмо Всеволожского — Островскому 6 апреля 1882 г. — ГЦТМ, ф. 200, инв. № 82/734.

¹¹ «Островский и Бурдин», стр. 353.

¹² «О принятии в дирекцию от авторов пьес на перспективную плату и за единовременное вознаграждение». — ЦГИАЛ, ф. 497 (Конторы императорских театров), оп. 14, ед. хр. 7, л. 27.

¹³ ГБЛ, ф. 178 Муз. (М., 9863 ед. хр. 1).

¹⁴ ЦГАЛИ, ф. 829, оп. 1, ед. хр. 1, л. 10.

¹⁵ Письмо 21 января 1884 г. — ГЦТМ, ф. 200, ед. хр. 1758, № 67248; далее см. п. 29 января — там же, ед. хр. 1759, № 67249.

¹⁶ ГЦТМ, ф. 200, № 82/3097.

¹⁷ ЦГАЛИ, ф. 829, оп. 2, ед. хр. 2.

¹⁸ Еще более точно Островский сообщил об этом в письме к Бурдину 22 августа 1885 г.: «... мне (...) предназначается должность самостоятельного директора (о радости!) с поручением мне тоже самостоятельного управления художественной частью в театрах» (XVI, 191. См. также XVI, 195).

¹⁹ ГЦТМ, ф. 200, № 82/1972.

²⁰ ЦГАЛИ, ф. 726, оп. 2, ед. хр. 3.

²¹ П. 4 января 1885 г. ГЦТМ, ф. 200, ед. хр. 1766, № 67256.

²² П. 18 февраля и 25 марта 1885 г. Там же, ед. хр. 1768 и 1769, №№ 67258 и 67259.

²³ П. 19 июля 1885 г. Там же, ед. хр. 1775, № 67264.

²⁴ ЦГАЛИ, ф. 829 (Н. С. Петрова), оп. 1, ед. хр. 12.

²⁵ ИРЛИ, ф. 218, оп. 3, ед. хр. 6. — А между тем какие-то основания у этих газетных известий все же были. Всеволожский вел переговоры об утверждении кого-то руководителем Московской театральной школы. См. его письмо 5 апреля 1885 г. к неустановленному лицу (ЦГАЛИ, ф. 726, оп. 2, ед. хр. 3).

²⁶ ЦГАЛИ, ф. 829, оп. 2, ед. хр. 2.

²⁷ А. Н. Островский. Дополнения. Наброски и черновые заметки по вопросам театрального дела. — ЦГАЛИ, ф. 362, оп. 1, ед. хр. 23, л. 45.

²⁸ Записка Н. С. Петрова Островскому 11 декабря 1885 г. — ГЦТМ, ф. 200, № 82/1974.

²⁹ Рукописный отдел Дома-музея А. Н. Островского в Щелькове.

³⁰ О. О. Садовская. А. Н. Островский. — «Русское слово», 1911, № 125, 2 июня.

³¹ ГБЛ, ф. 178 Муз. (М., 9863, ед. хр. 3).